

ШЗ(2-4к)
Рк ШЗ9

Охр. Кат.

В В Г Т

#58/2319

ПОДОЛЯНЪ.

ИЗДАНИЕ

К. Шейковского.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ I.

Содержаніе перваго выпуска:

Предисловіе.

О гавкахъ.

Бытовья пѣсни: (рекрутскія, чумацкія, пѣсня сапожниковъ). Коломейки.

КІЕВЪ. 2414

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И А. ДАВИДЕНКО.

1860.

Франц.

КРАТКИЙ

ПАСПОРТ

КНИЖИ

03.2007 +

№

3. № 22/7495

№

в к.

№

содерж.

№

д., 1859

№

т., 410.

№

№

№

№

№

№

вып. 1

№

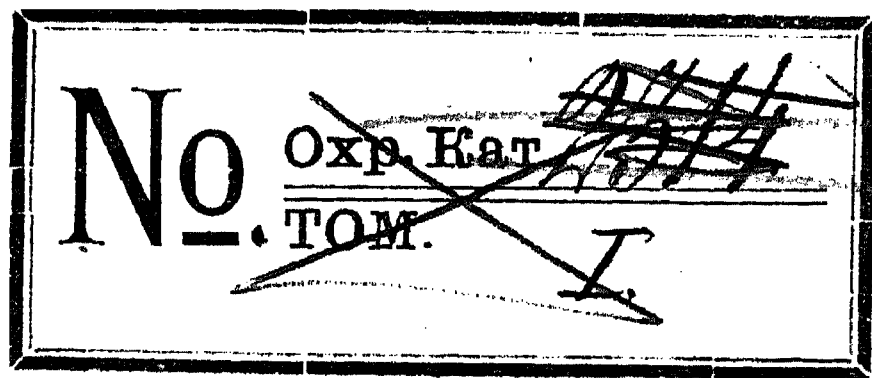
№

№

№

190

ванд.

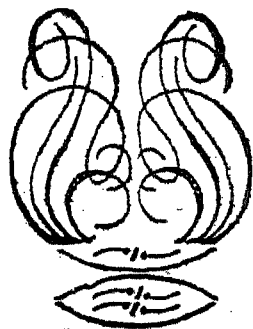

БЫТЬ ПОДОЛЯНЬ.

К. Шейковского.

Т О М Ъ I .

В Ы П У С К Ъ I .

К У Б Ъ .

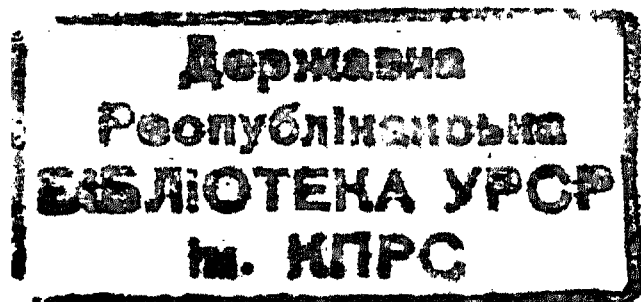
ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И А. ДАВИДЕНКО.

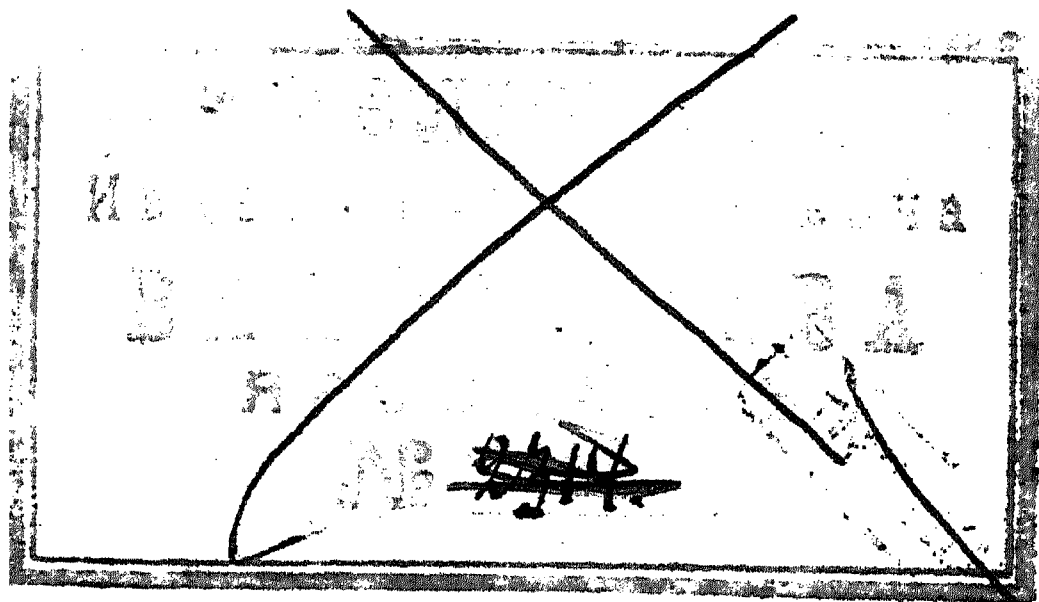
1859.

Ц/3 (д. = 12/1) - 632

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Кіевъ, 22-го Ноября 1859 года.

Ценсоръ *А. Лазовъ.*

«Государства, провинціи, страны имѣ-
ютъ свои хроники; герои, великіе люди,
«преступники-свои біографіи. Полки цѣлой
«библіотеки ломаются подъ тяжестью то-
«мовъ, посвященныхъ одной исторіи пчелъ;
«шелковичные черви, муравьи, бабочки
«имѣютъ свои лѣтописи. Ученые знаютъ
«какъ живутъ и умираютъ эфемериды,
«инфузоріи; древесный мохъ и грибы
«служатъ предметомъ продолжительныхъ
«и упорныхъ изслѣдованій ученыхъ....
«Забытымъ остался только человекъ!»

Бонмеръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Многіе у насъ посвящали свои труды изученію народнаго быта. Но не смотря на болѣе или менѣе значительныя сочиненія по этому предмету Гг. Снегирева, Сахарова, Пасека, Терещенка, Аонасѣева, и др. все еще ощутительны по этому предмету значительныя пробѣлы. Оно иначе и быть не могло. Все эти писатели избирали для себя большую задачу, не владея средствами къ выполненію ея. Они хотѣли изобразить бытъ русскаго народа, тогда какъ не было еще предварительныхъ работъ по этому предмету, не было обнародовано и матеріаловъ для

II.

этой цѣли. Понятно, что они должны были и собирать матеріалы для своего труда и рисовать картину народнаго быта. Но писатели эти не собрали всѣхъ матеріаловъ, сюда относящихся, а тѣмъ менѣе могли начертить картину народнаго быта, не имѣя всѣхъ данныхъ: априорная метода приложима здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Гораздо естественнѣе было бы начать дѣло съ собранія и обнародованія матеріаловъ. При собраніи матеріаловъ необходимо ограничиться извѣстною мѣстностью, въ противномъ случаѣ, мы рискуемъ не собрать всѣхъ матеріаловъ, или, по крайней мѣрѣ, не обнародовать собранныхъ матеріаловъ, что и случилось съ Ходаковскимъ и Кирѣевскимъ. Когда так. обр. будутъ собраны по всѣмъ мѣстностямъ и обнародованы матеріалы, касающіеся народнаго быта, тогда только съ успѣхомъ можно приступить къ изображенію полной картины внутренней жизни народа. Вотъ почему намъ кажется, что наше изданіе, специально занимающееся бытомъ на-

III.

рода известной местности, не будет лишено интереса для изучающих народный бытъ. Понятно, что для нихъ оно можетъ служить только матеріаломъ, но въ тоже время, оно будетъ изображать и картину быта избраннаго нами для изученія народа.

«Бытъ Подолянъ» будетъ выходить выпусками отъ 3 до 4 листовъ. Шестъ выпусковъ составятъ томъ. Каждый выпускъ будетъ состоятъ изъ двухъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ посвящается статьямъ, знакомящимъ съ бытомъ Подолянъ; второй будетъ наполняться матеріалами, сюда относящимися. Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто пѣсни, сказки, пословицы, поговорки, повѣрья, загадки, анекдоты, фацеціи и т. п. Этимъ мы даемъ возможность познакомиться съ умственнымъ развитіемъ Подолянъ по источникамъ первой руки. Къ тому же, подобное обнародываніе матеріаловъ будетъ важно и для разработывающихъ южнорусскій языкъ въ филологическомъ отношеніи и необходимо для будущаго полнаго сборника народныхъ произ-

IV.

веденій, котораго мы когда нибудь да дождемся.

Въ первомъ отдѣлѣ слѣдующаго выпуска будетъ помѣщена статья «о похоронахъ въ Подольской губерніи,» а во второй войдутъ загадки, такъ какъ у насъ менѣе всего обращаютъ вниманія на загадки, вслѣдствіе чего ихъ очень мало обнародовано. Сюда войдутъ не только загадки въ спеціальному смыслу этого слова, но и всѣ тѣ народныя произведенія, основою которыхъ служитъ загадка, и которыя могутъ пролить свѣтъ на подобныя письменныя произведенія находящіяся въ рукописныхъ сборникахъ XVI и послѣдующихъ столѣтій. При изложеніи загадокъ мы будемъ дѣлать, гдѣ это нужно, сближенія съ подобными произведеніями у другихъ славянъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о южно-русскомъ правописаніи, которому мы слѣдовали. Нельзя не сознаться, что въ южно-русскомъ правописаніи до сихъ поръ господствуетъ страш-

У.

ный хаосъ. Особенно правописание г. Кулиша съ его слишкомъ дѣланною литературою обличаетъ въ немъ сильное знаніе фонетики южно-русскаго языка. Наше правописание основано на изученіи фонетическихъ свойствъ южно-русскаго языка, сравнительно съ свойствами другихъ славянскихъ языковъ. Составъ всѣхъ словъ южно-русскаго языка слагается изъ слѣдующихъ звуковъ: а. б. в. ġ (=g) г. д. е. џ (=дж) ж. з (=дз) з. и. к. л. м. н. о. п. р. с. т. у. ф. х. ц. ч. ш. щ. ы. э (приближается къ звуку ы) я. е (=ѣ) і (мягкое). й. ю. іо. ѱ (звучитъ какъ англ. w, или Кирил. оу.) Кромѣ простыхъ звуковъ, мы исчислили здѣсь и нѣкоторыя комбинаціи ихъ. Но въ южно-русскомъ языкѣ есть еще слѣдующія комбинаціи звуковъ: 1., усиленные согласныя: вѣ. бѣ. пѣ. зѣ. мѣ и т. п. 2.) смягченныя согласныя: д' з' л' н' р' с' т' ц' 3., наконецъ, такъ называемые ассимилированныя дифтонги: д'д. ж'ж. з'з. л'л. н'н. 'рр. с'с. т'т. ц'ц. ч'ч. Мы считаемъ не умѣстнымъ входить здѣсь въ подробныя объяс-

VI.

ненія природы этихъ звуковъ: это слишкомъ далеко завлекло бы насъ. Мы надѣемся скоро издать «опытъ фонетики южно-русскаго языка», гдѣ подробно объяснимся.

К. Шейковскій.

К І Е В Ъ.

1859 года, Ноября 13.

О «ГАЙВКАХ».

Слово „гайвка“ (per metathesin „ягілка, (*) по польски *gaik, haiłka, gajuwka*) одного корня съ словами „гаіты, гаятыс', гаітыс'“ = проводить время, забавляться, и вообще означаетъ игрище; но въ частности подъ именемъ „гайвок“ въ Подольской губерніи извѣстны хороводы, которые отправляются дѣвушками на Свѣтлое Воскресеніе. Далѣе мы увидимъ болѣе подробное объясненіе этихъ словъ, характеризующее извѣстное міровоззрѣніе. У нашихъ изслѣдователей народнаго быта гайвки не описаны. По этому мы прежде всего и взялись за нихъ. Но что бы установить нашу точку зрѣнія на гайвки, мы должны предпослать нѣсколько словъ о хороводахъ вообще.

*) Не отсюда ли происходитъ слово яга? Впрочемъ баба-яга извѣстна у подолянъ подъ именемъ «енца», что созвучно съ названіемъ ея у венгерскихъ славянъ «ензи». Kollar: *Národ. Zpiew.* Ч. I. Стр. 12.

Въ доисторической эпохѣ каждаго народа различаютъ нѣсколько ступеней развитія. Первую изъ нихъ можно назвать аморфизмомъ: здѣсь все еще представляется въ хаосѣ, еще не обособилось, и находится только въ зачаткахъ. Въ этотъ темный лабиринтъ ведетъ только языкъ, произведеніе этой эпохи. Эта ступень, болѣе и болѣе обособляясь, переходитъ въ некромантизмъ, гдѣ уже устанавливается культъ, и міровоззрѣніе народа формулируется въ извѣстные обряды. За тѣмъ, міросозерцаніе выступаетъ въ формѣ натурализма, хотя и прежняя фаза развитія служитъ уже преддверіемъ къ нему. Натурализмъ распадается на астрализмъ, литоморфизмъ, фитоморфизмъ, зооморфизмъ и антропоморфизмъ, который завершается гуманизмомъ, составляющимъ ядро антропоморфизма, внутреннюю его сторону. Конечно, такія разграниченія создала только наука; на дѣлѣ же но большей части случается такъ, что послѣдующую ступень развитія сопровождаютъ обломки прежняго быта. Обломки эти, правда, блѣднѣютъ передъ господствующимъ міровоззрѣніемъ, теряютъ часть своей святыни, и, по отношенію къ нему, считаются суевѣріями. Въ то время, когда одинъ культъ

переходить въ другой, понятія прежняго культа болѣе или менѣе искажаются и подлаживаются подъ господствующее міровоззрѣніе. По этому нужна особенная осторожность при реставраціи народныхъ вѣрованій: ихъ надо анализировать до мельчайшихъ атомовъ и распредѣлять эти атомы по извѣстнымъ культамъ. Конечно, это работа нелегкая: часто приходится по едва уцѣлѣвшимъ обломкамъ воссозидать цѣлый образъ міросозерцанія, слѣдить за его развитіемъ и судьбою. Главное, на что при этомъ надо обращать вниманіе, это психическая сторона вопроса.

Каждое міровоззрѣніе формулируетъ особыя, ему одному свойственныя, обрядности, которыя составляютъ внѣшнее выраженіе міросозерцанія. Когда одинъ культъ смѣняется другимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣняются, пересозидаются и самыя обрядности. Здѣсь повторяется то же явленіе, какое мы видѣли и при измѣненіи культа, именно, обряды предшествовавшаго міросозерцанія часто стоятъ рядомъ съ обрядами послѣдующаго культа, конечно уже въ преобразованномъ видѣ.

Извѣстно, что хороводы, а слѣдовательно и гаивки, представляютъ внѣшнюю, обрядовую сторону

извѣстнаго культа. Но при этомъ по необходимости рождаются вопросы при какомъ культѣ могутъ возникнуть хороводы, и какую психическую сторону они выражаютъ собою? Г. Сахаровъ говоритъ: „русскіе хороводы, украшая собою нашу семейную жизнь представляются столько же древними, сколько древня наша жизнь,“^(*) Но это только фраза. Изъ нея ничего нельзя заключить о началѣ хороводовъ. Несомнѣнно, что при аморфизмѣ они еще не могутъ получить своего начала. По всей вѣроятности, они начинаются въ пору некроантизма. И дѣйствительно, мы знаемъ, что погребеніе у всѣхъ народовъ на первой ступени ихъ развитія сопровождалось извѣстными обрядностями и церемоніями, которыя можно считать началомъ хороводовъ. Кавсаны (*Καυσάνοι*) печалились при рожденіи человѣка, а смерть возбуждала въ нихъ противоположное чувство. Во время Геродота народы Фракіи предавались радости при похоронахъ, выражая тѣмъ, что человѣкъ освободился отъ всѣхъ бѣдствій. У Грековъ и Римлянъ игры и борьба заключали похоронное торжество.

^{*)} Пѣсни Р. нар. Сиб. 1838 г. т. II. стр. V. Также сказанія Р. народа Сиб. 1841—1849 т. II. кн. 7 стр. 76-

Нѣкоторые народы югозападной Азіи, Востокъ-Индіи, Океаніи и Внутренней Африки и теперь прыгаютъ надъ трупами умершихъ, потомъ сожигаютъ ихъ, а въ заключеніе совершаютъ различные пляски. Здѣсь то начало хороводовъ, которые въ некромантическомъ культѣ, конечно, не могли еще вполне сформироваться. Это совершилось въ австральномъ культѣ.

Опредѣливъ нашу точку зрѣнія на хороводы, приступимъ къ подробному разсмотрѣнію подольскихъ гайвокъ. Здѣсь мы должны а.) показать отличіе малорусскихъ хороводовъ и гайвокъ отъ хороводовъ русскихъ б.) сгруппировать извѣстныя намъ гайки, е.) сравнить ихъ съ подобными обрядами и показать ихъ смыслъ и значеніе.

А.)

Великорусскими хороводами всегда заправляетъ хороводница. Это пожилая, по большей части, вдовая женщина. Въ южно-русскихъ танкахъ, веснянкахъ и гайвахъ нѣтъ этой типичной личности инициативу хоровода беретъ на себя болѣе рѣзвая и опытная изъ дѣвушекъ. Въ велико-русскихъ хороводахъ могутъ участвовать всѣ безъ различія пола и возраста: „русскіе хороводы, говоритъ г. Сахаровъ

доступны всѣмъ возрастамъ: дѣвы и женщины, юноши и старики равно принимаютъ въ нихъ участіе (*). У южно-руссковъ хороводы состояются преимущественно изъ дѣвушекъ. Только въ нѣкоторыхъ гайвахъ допускается мальчикъ, напр. въ „Володаръ“. Впрочемъ г. Терещенко представляетъ три мало-русскихъ хоровода, въ которыхъ участвуютъ парубки, это *щитка, горошекъ и толо* (Б. р. нар. ч. IV. стр. 317—318).

Повидимому слѣдовало бы ожидать, что хороводы, не допускающіе замкнутости и исключительности, не дѣлающіе разграниченія между поломъ и возрастомъ должны стоять выше хороводовъ, допускающихъ ограниченія. Однакоже на дѣль оказывается иначе: южно-русскіе хороводы отличаются большимъ эстетическимъ тактомъ, чѣмъ хороводы великорусскіе. Въ южно-русскихъ хороводахъ вы не встрѣтите такихъ игръ, какъ напр. *женина любовь* (**), или *гуляй — гуляй* (***) , которая „разыгрываетъ“

*) Сахар. Пѣсни Р. нар. т. II. стр. X. ск. Р. нар. т. II. кн. 7. стр. 77.

**) — П. Р. нар. т. II. стр. 16—18. 303—307. ск. Р. нар. т. I. кн. 3. стр. 29. 77. Терещ. ч. IV. стр. 237—244.

***) Тамъ же 45—48 сказ. т. I. кн. 3. 34. Терещ. ч. IV. стр. 259—61.

ся на деревенскихъ праздникахъ, когда „добренькіе мужья подвытють, храбрости наберутся, смѣлый говорятъ. Въ это время они прежде всего начинаютъ учить женъ. Другіе, смотря на такихъ мужей, говорятъ: „каково онъ домается?“ (пѣсни 322—3. сказ. т. I. кн. 3 стр. 80). Нагляднымъ образомъ можно видѣть отличіе южно-русскихъ хоро-водовъ отъ велико-русскихъ въ игрѣ „макъ раститъ“, известной у обѣихъ народовъ (*). На это характеристическое отличіе великорусскаго хоровода *макъ раститъ* и южно-русскаго танка *мак сїятъ* указываетъ и г. Максимовичъ. Онъ говоритъ: „игра *макъ сїятъ* на Украинѣ выходитъ красивѣе, чѣмъ въ Великой Руси, ибо здѣсь *маковкою* садится въ серединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а тамъ *макомъ* бываетъ большею частію простачекъ-дѣтина, которому подъ конецъ, когда станутъ отряхивать макъ, достается до слезъ“ (**)

*) П. Р. нар. т. II. стр. 5—6. 127—9. 294—6. Сказан. Р. нар. т. I. кн. 3. стр. 27. 48. 75. «Быть русскаго народа» Терещенка. Сиб. 1848 г. IV. стр. 27 298—303.

***) Русск. Б. 1856 г. № 1. въ смѣси стр. 73.

Г. Терещенко, повидимому, не хочет видѣть этого различія въ игрѣ съять макъ (*). Но при описаніи ея измѣняетъ своему мнѣнію.

Изъ того, что въ великорусскіе хороводы допускаются разнообразныя дѣятели вытекаетъ бѣльшая степень ихъ драматизма, сравнительно съ южно-русскими веснянками. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ хороводъ *Донъ Ивановичъ* (**). Къ тому же въ нѣкоторыхъ русскихъ хороводахъ допускаются музыкальные инструменты; напр. балалайка, гусли, какъ въ „Донъ Ивановичъ“ и въ др, что также придаетъ имъ много оригинальности. Нѣкоторыя гайвки тоже отличаются драматизмомъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ „Кострубонько“.

Подольскимъ гайвкамъ придаетъ особенный характеръ мѣсто и время ихъ отправленія. Онѣ совершаются на „цвынтарі“ (въ церковной оградѣ) на „вѣликден“^а. Гайвки извѣсты во всей Подольской губерніи, выключая деревни, населенныя молдованами. Онѣ распространены также въ прилежащихъ къ По-

*) Тер. ч. IV. стр. 301.

**) Сах. П. Р. нар. т. II стр. 8—16. 137—142. 300—3. ск Р. нар. т. I. кн. 3. стр. 28—9. 49—50. 76—7. Терещ. ч. IV. 254—272.

доли частяхъ Волынской и Кіевской губерній. На основаніи одного замѣчанія г. Терещенка можно думать, что гаивки извѣстны и близъ Бреста-Литовскаго (*). Въ „Варшавской Библіотекѣ“ текущаго года (№ № 29—31) помѣщена статья J. Grajnera подъ названіемъ: „*Studia nad rodaniami*“ Въ ней, между прочимъ, говорится, что „w Kaliskiem“ дѣвицы на Свѣтлое Воскресеніе празднуютъ „*gaik*“ въ честь „*Haitek*“ (№ 29 стр. 509).

Гаивки продолжаются въ разныхъ мѣстахъ не одинаковое число дней. Въ Каменецъ-Подольскѣ онѣ разыгрываются только на первый день Свѣтлаго Воскресенія. По деревнямъ „гаюц'ця“ три и четыре дня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, даже цѣлую святую недѣлю. Въ Каменецъ-Подольскѣ нѣкоторыя гаивки поются и на Польскомъ языкѣ, напр. „*Zelman*“, „*przujeshali ludzie*“ и др. Но это не самобытныя произведенія.

В.)

Желая разгруппировать извѣстныя намъ гаивки, мы должны установить извѣстный порядокъ. У гг.

*) Терещ. ч. IV. стр. 303—4.

Сахарова и Терещенка, не смотря на то, что у послѣдняго изложеніе хороводовъ пересыщено различными сентенціями, нѣтъ никакой системы въ изложеніи хороводовъ.

Хороводы, а слѣд. и гаивки, можно группировать или по ихъ содержанію, или по формѣ. Въ началѣ нашей статьи мы пытались изложить движеніе міросозерцанія. При группировкѣ гаивокъ, на основаніи ихъ содержанія, мы будемъ держаться этого движенія. Так. обр. мы будемъ имѣть психическую основу для группировки гаивокъ. Сначала мы представимъ гаивки съ элементомъ фитоморфизма и зооморфизма, за тѣмъ гаивки съ намеками на стихійный культъ,— на конецъ бытовья гаивки, на которыя должно смотрѣть, какъ на произведенія антропоморфическаго міровоззрѣнія.

Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на хороводы, то ни какъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Терещенка, будто „духъ хороводныхъ пѣсней есть семейная жизнь“ (*). Это можно сказать только о хороводахъ позднѣйшей формаци. Самъ г. Те-

*) Терещ. Б. р. вар. ч. IV. стр. 135.

решенко при изложеніи хороводовъ *макъ растить*, (*) *зайньки* (**) и др. счелъ нужнымъ противорѣчить себѣ.

Разгруппировку хороводовъ по ихъ формѣ предложилъ г. Максимовичъ. „Дѣвическіе танки, говоритъ онъ, по внѣшнему виду бываютъ: 1.) *круговые*, которые водятъ, сомкнувшись въ кружокъ, таковы: *макъ-спясть, кропъ, перепелка, зайшка, ящуръ, король, нелюбъ, переборецъ* и другіе; 2.) *ключевые*, которые водятъ, сомкнувшись въ одинъ ключъ, таковы: *галка, чечѣтка, горобей, лѣсаниця, кривый-танецъ* и др.; или же, сомкнувшись въ два ключа, какъ въ танкѣ *просо спясть* и въ шумѣ.“ (***)

При разгруппировкѣ гайвокъ мы не можемъ держаться одной ихъ формы, потому что она очень разнообразна. Мы будемъ группировать гайвки по ихъ содержанію, не оставляя въ тоже время, безъ вниманія и внѣшней ихъ формы. Каждая гайвка имѣетъ особыя названія, которыя здѣсь и приводятся.

*) Тамъ же: стр. 278: «въ этой игрѣ, гов. г Тер. не видно ни одной черты семейнаго быта: одно веселіе и удовольствіе управляетъ хороводомъ».

**) Тамъ же: стр. 274—8.

***) Русск. Б. 1856 № 1. Въ смѣси 72. стр.

1.) Роман-зіл'ля.

Коло млына кремена,
Там дівчына ходыла,
Роман-зіл'ля копала,
Сама ж його нэ знала.
Понёсла ж го до рады
До чоловічої громады.
Чоловічкы нэ зналы
И ў ручен'кы нэ бралы.
Понёсла ж го до рады
До парубочої громады:
Парубочкы нэ зналы
И ў ручен'кы нэ бралы.
Понёсла ж го до рады
До жіночої громады.
А жіночкы нэ зналы
И ў ручен'кы нэ бралы.
Понёсла ж го до рады
До дівочої громады;
А дівочкы пізналы,
И ў ручен'кы узялы:
„Цэ се зіл'ля кадыло,
„Що по церкві ходыло

„Исуса Христа водыло.“

Гаивка эта одноключевая, вьющаяся. Такимъ же точно образомъ хороводъ идетъ и при пѣніи „кривого тан'ця“, „яворыка“, „чи дыво“ и „кому воля.“ Гаивка-роман-зіл'ля записана въ с. Шарапановкѣ Ольгопольскаго уѣзда. Судя по ея напѣву, внѣшней формѣ и нѣкоторымъ словамъ, вышедшимъ изъ употребленія (напр. кремена, роман-зіл'ля=ромашка?), можно думать, что она очень древняя.

2.) Огірочки.

А выйтєся іогірочки,
Зеленіі пудляпочки.

Тож ся вьют. 2.

А другі ся прыглядают.
Чи хороше росц'вітают.

Тож ц'вітут. 2.

„Огірочки“—гаивка тоже одноключевая. Дѣвушки вьются на подобіе огурцовъ. Она записана въ ущицкомъ уѣздѣ.

3.) Горошок.

Выйся, горошку, ў два стручки,
ў два стручки.

Зароды, Божэ, чотырэ,

Чотырэ,
 Щоб ся парубкы жэнылы,
 Жэнылы.
 Та нас на вісіл'ля просылы,
 Просылы.

Это очень игривая гаивка. Хороводъ вьется на подобіе гороху. Дьвушки берутся за руки и ходять вокругъ церкви: чьмъ больше ихъ, тьмъ хороводъ красивѣе. Задній конецъ хоровода начинаетъ виться по-подъ руки и становится въ началъ хоровода, а конецъ опять начинаетъ виться горохомъ. Этотъ хороводъ отчасти похожъ на „огірочки.“

4.) М а к.

Ой на горі мак,
 Під горою й так....
 Мої мьлі соколочки!
 Стан'те мэнї до помочки:
 Стан'те усі ў рад!

„Мак“ гаивка круговая. Этотъ куплетъ постоянно повторяется, но хороводъ разнообразится различными жестыкуляціями, напр. когда первый разъ пропоють всь захлопають, въ другой разъ сбьгутся въ кучу, третій разъ присядуть и т. п.

5) Я в о р ы к .

Коло млына-млына,
Там дівчына ходыла.

Яворэ-яворыку,
Тонкый, зэлэнен'кый!

Аж там выйшло
Тры місяці ясных,
Тры парубкы красных.

Яворэ-яворыку,
Тонкый, зэлэнен'кый!

Аж там выйшло
Тры зірон'кы ясных,
Тры дівчыні красных.

Яворэ-яворыку,
Тонкый, зэлэнен'кый!

При п'внїи гэтой гайвки хоровадъ идетъ, какъ и при п'внїи „роман-зіл'ля.“ Она записана въ Шарпановкѣ, но не окончена.

6.) Дібровон'ка, она же и «дошэчка.»

А вэрбовая дошэчка, дошэчка;
Там ходыла Настэчка, Настэчка;
Та цэбром воду носыла, носыла,
Дібровон'ку гасыла, гасыла.

Кі́л'ко у́ цэ́брі водыці, водыці,
 Ті́л'ко дівкам правдыці, правдыці;
 Кі́л'ко у́ цэ́брі зюрочок, зюрочок.
 Ті́л'ко дівкам болячок, болячок. (*)

Що ступлю, то у́луплю...

Навару я кашы....

Що у́ тіі каші?

Грудочка масла.

Хто і будэ істы?

Дівочки, дівочки.

Я вэрбовая дошэчка, дошэчка;
 Там ходыла Настэчка Настэчка;
 Рэшэтом воду носыла, носыла,
 Дібровен'ку гасыла, гасыла.
 Кі́л'ко у́ рэшэ́ті водыці, водыці,
 Ті́л'ко парубкам (**) правдыці, правдыці,
 Кі́л'ко у́ рэшэ́ті зюрочок, зюрочок,
 Ті́л'ко парубкам болячок, болячок.

*) Въ «Сборникѣ южно-русскихъ пѣсень» А. Метлинскаго на стр. 297—8. эти 8 стиховъ съ нѣкоторыми измѣненіями помѣщены въ числѣ веснянокъ, съ подписью Житомир. Изъ сличенія очевидно, что это отрывокъ изъ подольской гаевки.

**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто слова парубки, употреблется «паны». Разумѣется, это бываетъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ отношенія между панами и крестьянами основаны на бамбуковомъ патріархализмѣ.

Що ступлю, то ўлуплю.

Навару я кашы.

Що ў тій каші?

Чэрвьячкы, чэрвьячкы.

Хто і будэ істы?

Парубкы, парубкы.

А вэрборая дощэчка, дощэчка;

Там ходыла Настэчка, Настэчка.

Та пэбром воду носыла, носыла,

Дібровон'ку гасыла, гасыла.

Кіл'ко ў пэбрі водыці, водыці,

Тіл'ко дівочкам правдыці, правдыці.

Кіл'ко ў пэбрі зюрочок, зюрочок,

Тіл'ко дівочкам болячок, болячок.

Що ступлю, то ўлуплю.

Навару я кашы.

Що ў тій каші?

Гусяча лапка.

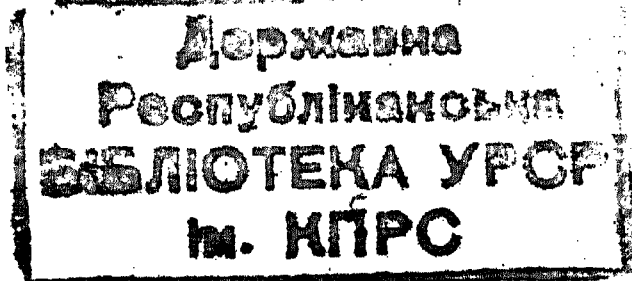
Хто і будэ істы?

Дівочкы, дівочкы.

А вэрбовая дощэчка, дощэчка;

Там ходыла Настэчка, Настэчка.

Рэштэтом воду носыла, носыла,

2217495

Та дібровон'ку гасыла, гасыла.
 Кіл'ко ў рэшэті водыці, водыці,
 Тіл'ко парубкам правдыці, правдыці.
 Кіл'ко ў рэшэті сюрочок, сюрочок,
 Тіл'ко парубкам болячок, болячок. (*)

Що ступлю, то ўлуплю.

Навару я кашы.

Що ў тії каші?

Жабяча лапка.

Хто і будэ істы?

Парубкы, парубкы.

Это одна изъ общеизвѣстныхъ гайвокъ. Мы списали ее въ Шарапановкѣ. Во внѣшней формѣ ея есть особенность. Дѣвушки по двѣ берутся особымъ образомъ за руки, образуя ихъ 4 рукъ параллелограмъ. Въ такомъ видѣ онѣ становятся подъ рядъ, обрязуя изъ этихъ параллелограммовъ родъ доски. По этой доскѣ ходитъ маленькая дѣвочка. Хороводъ идетъ кругомъ церкви. Дѣвушки, по рукамъ которыхъ уже прошла упоминаемая „Настѣчка“, постоянно переходятъ напередъ и опять подставляютъ руки.

*) Иногда, вм. болячок, употребляется дѣвочок.

7.) Заініок.

Заін'ку! за головон'ку....

А ні тобі, заін'ку,

А ні вискочыти,

А ні тобі, заін'ку,

А ні выглянуты. (*).

Заін'ку! плечі-гречі....

Заін'ку! скокы-ў бокы....

Заін'ку! ушка-псяюшка....

Заін'ку! сін'ця-ў-колін'ця....

Заін'ку! п'яты-м'яты.

А ні тобі, заін'ку,

А ні вискочыты;

А ні тобі, заін'ку,

А ні выглянуты.

Заін'ку! абэрныся,

Кого любыш, обіймыся!

Это гайвка круговая. Дѣвушки составляютъ плотный кругъ, въ срединѣ котораго находится представляющая „Заін'ка“ и исполняющая все, о чемъ поетъ хороводъ. Когда поется

*) Четыре послѣднихъ стиха повторяются послѣ cadaго обращенія къ «заинькѣ».

„Зайн'ку! обэрныся,
„Кого любыш, обіймыся“

она беретъ какую-нибудь дѣвушку изъ круга, и та идетъ на ея мѣсто. Хороводъ опять начинается ту же пѣсню, или поетъ другую:

Ой ты зайчыку-білодайчыку!
Ой поплын'-поплын' по Дунайчыку.
Рошчешы русу косу,
Приглад' си чорні бривкы,
Воз'мыся по-піт пашкы,
Гляды си товаришкы.

Находящаяся въ срединѣ круга выполняетъ то, о чемъ поется въ гайвкѣ, а по окончаніи ея беретъ какую-нибудь дѣвушку изъ круга, которая идетъ на ея мѣсто.

Зайныка очень распространенный хороводъ. Ближе всего подходит къ нашей гайвкѣ „заюшка“, переданный г. Максимовичемъ. (*) Другіе варианты этаго хоровода можно видѣть у г. Сахарова (**) и у г. Терещенка. (***)

*) Р. Бесѣд. 1856 № 1 въ смѣси 73—4.

**) П. Р. Н. ч. II. стр. 113—14. 260—252. 338. Сказ Р. нар. т. I. кн. 3 стр. 46. 71. 83.

***) Б. Р. нар. ч. IV. стр. 274—278. ч. V. стр. 22—3.

8.) Горопчык.

Ой горопчыку-спатку! (*)
 Чи бував же ты ў садку?
 Чи выдав же ты як
 Сіют мак, сіют мак?
 —Ой так-какъ сіют мак,
 Як пэтрушку й настырناк.

Это гаивка круговая. Въ серединѣ круга стоитъ дѣвушка, представляющая собою воробья и поетъ послѣдніе два стиха. Гаивка эта записана въ Каменцѣ.

9.) Ш у м.

А ў нашого Шума зэленая шуба.
 А Шум ходыт по дѣброві.
 А шумыха рыбу ловыт.
 Що на ловыла, той пропыла,
 Доц'ці шубы нэ справыла.
 Почкай, доню, до суботы,
 Будэ шуба и чоботы.
 Субота мынае,
 А чобіт нэ мае.

*) У г. Терещенка эта гаивка помѣщена въ числѣ дѣтскихъ игрѣ: Горобѣичко шпачку-шпачку!

Чи бував ти въ садку, въ садку и пр. ч. IV. 13—15.

Почкай, доню, довітїрка,
Будэ шуба и сїбірка.

Г. Максимовичъ описалъ внѣшнюю форму этого танка, (*) гдѣ представилъ вариантъ нашей гаивки, известной впрочемъ только въ мѣстахъ, граничащихъ съ Кіевскою губернію. Онъ также старался докопаться до таинственной личности „Шума“. „Въ этомъ Зеленомъ Шумѣ дѣвчатъ, говоритъ онъ, отозвался Днѣпръ, убирающійся въ зелень своихъ луговъ и острововъ, шумящій въ весеннемъ разливѣ своемъ и дающій тогда полное приволье рыболовству“. Так обр. онъ хочетъ видѣть въ этомъ танкѣ элементъ стихійнаго культа. Для подтвержденія этого г. Максимовичъ приводитъ наглядное доказательство: „въ одно весеннее утро я видѣлъ здѣсь, что и воды Днѣпра, и его песчаная Бѣлая-коса за Шумиловкою, и самый воздухъ надъ нимъ — все было зелено.... Въ то утро дулъ провывистый горшнїй т. е. верховой? вѣтеръ, набѣгая на прибрежные ольховые кусты, бывшіе тогда въ цвѣту, онъ поднималъ съ нихъ цѣлыя облака зеленоватой цвѣточной пыли, и развѣвалъ ее по всему полуденному небосклону (**).“

*) Русск. Б. 1856 № 1. стр. 77 въ смѣсн.

**) Тамъ же.

Признаться, для насъ не убѣдительно это *наглядное* доказательство, и мы не можемъ считать лицо „Шума“ объясненнымъ. Впрочемъ мы не беремся гадать о немъ, не имѣя для этого данныхъ. Гаивку о „Шумѣ“ мы относимъ къ бытовымъ гаивкамъ, не отвергая впрочемъ того, что, быть-можетъ, бытовое ея содержаніе есть позднѣйшая передѣлка какой-нибудь древней гаивки о мифическомъ Шумѣ. Мы говоримъ только, что нѣтъ данныхъ къ объясненію ея. И пока ихъ не будетъ, мы считаемъ за лучшее видѣть въ ней позднѣйшую формацию, нѣмъ придать ей произвольныя толкованія.

10.) Кострубон'ко.

Это круговая гаивка. Въ серединѣ круга находится дѣвушка. При началѣ пѣсни, она подходитъ къ кому нибудь изъ участвующихъ въ хороводѣ и говоритъ: „Христось Воскрес!“ Та отвѣчаетъ: „воистыну воскрес“. Первая спрашиваетъ: „ни нэ бачылы вы мого кострубон'ка?“ Тв отвѣчаетъ: „пiшов у́ поле ораты“. Первая беретъ за голову, представляетъ будто плачетъ и начинаетъ томнымъ голосомъ пѣть, а хороводъ продолжаетъ:

Бідна ж моя головочко,

Нэсчаслыва годыночко!
 А шож бо я наробыла,
 Що Коструба нэ злюбыла!
 Прыйді-прыйды, Кострубочку!
 Стану с тобоў до шлюбочку
 А ў пэділю-ў нэділэчку.
 Пры ран'іому сніданячку!

Во время пѣнія этихъ словъ, дѣвушка, находящаяся среди круга, ходитъ съ поникшей головой, закрывъ глаза платкомъ, или рукою. Когда кончатъ пѣніе, она подходитъ къ той же дѣвужкѣ, съ которою прежде разговаривала, и опять заводитъ съ нею рѣчь:

Хрыстос Воскрес!

Та отвѣчаетъ:

Воістыну воскрес.

Первая:

Чи нэ выдіды мого Коструба?

Вторая.

Пішов ў поле сіяты.

Тутъ происходитъ таже сцена, что и прежде, а хороводъ поетъ:

Бідна ж моя головон'ко,

Нэчаслыва годынон'ко!
 А шо ж бо я наробыла,
 Шо Коструба нэ злюбыла.
 Прыід'-прыід' Кострубон'ку,
 Стану с тобоў до шлюбон'ку,
 А ў нэдiлю, ў нэдiлэчку
 Пры равому с'нідан'нячку.

Пѣніе супроводжаецца тою же сценою, што і
 прэжде. Паслѣ ідзец тоть же разгаворъ. Но на гэты
 разъ на вопросъ о Кострубонькѣ отвѣчаюць, што
 „Коструб дэжыт на полі слабый“. Паслѣ гэтаго хо-
 роводъ опятъ поецъ. Такъ же обр. хороводъ продол-
 жаецца і тогда, когдa дѣвушкѣ скажучъ, што „Коструб
 ўже ўмер“ і „ўже вэзут на цвынтар“. Когдa же
 она получитъ отвѣтъ, што „Коструба ўже поховалы,
 то вдруъ прынімаецъ веселый видъ, плещецъ въ
 ладоши і тонаецъ ногами, а хороводъ поецъ весело:

Хвалю Тэбе, Хрысте Цару,
 Шо мій мылыі на цвынтару!
 Ножэн'камы прыдоптала,
 Ручэн'камы прыплэскала.
 А тэпер, мій Кострубон'ку,
 Нэ лай, нэ лай моі мамі:

Ты ў глібокі уже ямі!

Эта гаівка принадлежитъ къ числу общеизвѣстныхъ въ Подольской губерніи. У Жеготы Паули(*) и у г. Максимовича (**) есть варианты Кострубонька. Къ сажалънію сборника Паули у насъ не было подъ рукой, и мы не имѣли возможности сравнить нашего Кострубонька съ Галицкимъ. Г. Максимовичъ опять пытается объяснить Кострубонька. Онъ говоритъ: „южно русскій Кострубонько, оживающій въ началѣ весны и погребаемый въ заключеніе ея, есть сама весна, олицетворенная въ мужескомъ видѣ. Это одно лице съ великороссійскимъ *Костромой* и съ *Яриломъ*, въ которомъ мы уже признали языческаго бога весны.— Въ украинскомъ просторѣчій бранчивое слово *кѣструбъ* означаетъ нечесу, кудлая; это даетъ намъ мысль, что украинскій мѣлическій веснякъ былъ представляемъ съ головою всклокоченною. Такъ имена языческихъ божествъ, переходя въ нарицательныя имена, удерживали нѣчто отъ ихъ свойствъ или принадлежностей“ и проч. и проч. Это мѣологія досужаго воображенія. Мы не имѣемъ основаній при-

*) *Pieśni ludu ruskiego w Galicyi* 1839. т. II. 22.

**) Русск. Б. 1856 № 3, 105—7 въ смѣси.

нять ее, и относимъ Кострубонька, до поры до времени, какъ и „Шума“, къ числу бытовыхъ гаивокъ. Время, можетъ быть, откроетъ данныя къ объясненію этой гаивки.

11.) Володар.

Двѣ дѣвушки берутся за руки такъ, какъ при пѣніи „дѣбровон'кы“. На руки имъ садится мальчикъ, и онѣ носятъ его кругомъ церкви, а остальные дѣвушки поютъ:

Володар-володар!
 Чи дома господар?
 Та нѣма його ў дома,
 Поіхав по дрова...
 Церква замыкана,
 Церква одмыкана.
 А хто ў тій церковці?
 — Золотее дятятко.
 А щож воно робит?
 Золотого ножыка держит.
 А щож воно грає?
 Срібнее яблучко.

12.) Кривый танец'.

А ў кривого тан'ця,

Та нэ вывэдут кін'ця.
 Треба іого выводыты,
 Конец іому находыты.
 Чэрэз сіны, чэрэз хату
 А я молоден'ка
 Йду стыхен'ка,
 Щоб ключамы нэ брашчаты,
 Щоб свэкрухы нэ збудыты.
 А збудывшэ, нэ ўгодывшэ,
 Медом-выном нэ ўпоівшэ..
 Ой най же сьвіт, най нэ устае,
 Щобы моі голівон'кы нэ склопотала!

Это гайвка одноключевая и самая известная,
 такъ-что вошла даже въ пословицу.

13.) Чи дыво. (*)

Чи дыво, чи нэ дыво,
 Пішлы дівкы на вйну,
 Чи дыво, чи нэ дыво,
 Молодыці за нымы;
 Чи дыво, чи нэ дыво,
 А парубкы и собі.

*) У г. Терещенка подобная пѣсня помѣщена въ числѣ ма-
 лорусскихъ свадебныхъ пѣсень (см. ч. II. стр. 548—9). Но
 въ этой пѣснѣ больше курьознаго.

Чи дыво, чи нэ дыво (*)
 Надыбалы дівкы тры городы,
 А жіночкы тры ліскы,
 А парубкы тры млынкы.
 Чи дыво, чи нэ дыво
 Пішлы дівкы на выно,
 Молодыці за нымы,
 А парубкы и собі.
 Чи дыво, чи нэ дыво,
 Сыдят дівкы за столом,
 Молодыці пред столом,
 А парубкы під столом.
 Чи дыво, чи нэ дыво,
 Пьют дівкы мед-выно,
 А жіночкы горівку,
 А парубкы помыйкы.
 Чи дыво, чи нэ дыво,
 Ідят дівкы колачы,
 Молодыці бохон'ці,
 А парубкы сухарці.
 Чи дыво, чи нэ дыво,

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Бэрут дівкы кітайкы;
 Чи дыво, чи нэ дыво,
 Молодыці сэрпанкы;
 Чи дыво, чи нэ дыво,
 А парубкы каглянкы.

Эта и слѣдуючая гайвки записаны въ Шарановкѣ. При пѣніи ихъ хороводъ идетъ такъ же, какъ при пѣніи „*кривою тан'ця*“.

14.) Кому воля.

Кому воля—нэволя,
 А парубкам своя воля:
 За шапочку, за сошлочку,
 Тай до коршмы, тай за дівочку.
 Кому воля—воля,
 А жіночкам нэ своя воля:
 Піт порогом порося квічыт;
 У пэчі казан біжыт,
 Ў колысці дытя крычыт,
 А на пэчі воркун воркотыт...
 Порося каже: нагодуй мэне
 Окріп каже: відсун' мэне
 Дытя каже: заколыш мэне!

Воркун кажэ: накрый мэне! (*)

15.) Жона та муж. (**)

Это круговая гаивка. Въ круга ходить дѣвушка, представляющая собою мужа съ прутомъ въ рукѣ. Представляющая собою жену находится среди круга. При концѣ гаивки мужъ врывается въ хороводъ, а жена должна уходить, иначе онъ будетъ бить ее прутомъ. Послѣ этого онъ играютъ обратныя роли.

М у ж ъ.

Хто выдав,
Хто слыхав
Мою жону
На торзі?

Х о р о в о д ъ.

А мы її выдалы,
Собі її узялы.

М у ж ъ.

Я яблучко піткочу
Свою жону выкличу.

Х о р о в о д ъ.

Мы яблучко із'зімо,

*) По содержанію эта гаивка немного похожа на хороводъ «замужняя жизнь» см. у г. Терещ. ч. IV. 234—5.

**) Основываясь на намекѣ Квитки, можно думать, что этотъ хороводъ извѣстенъ и въ харьк. губ. (Повісті Квіт. вид. п. Кулішом. Пб. 1858 р. т. I. л. 161).

Тобі жоны нэ дамо.

М у ж ъ.

Хто выдав и пр.

Х о р о в о д ъ.

А мы іі выдалы и пр.

М у ж ъ.

Я грушэчку піткочу

Сваю жону выкличу.

Х о р о в о д ъ.

Мы грушэчку із'зімо,

Собі жону воз' мемо.

М у ж ъ.

Хто выдав и пр.

Х о р о в о д ъ.

А мы іі выдалы и пр.

М у ж ъ.

Я горівкы наточу,

Сваю жону выкличу.

Х о р о в о д ъ.

Мы горівку выпьемо,

Тобі жоны нэ дамо.

Так. обр. хороводъ продолжается по желанію и по умѣнію играющихъ. Видя, что никакія просьбы

не помогаютъ, мужъ самъ врывается въ хороводъ. Очевидно, что эта гаивка есть сатира на ревнивыхъ мужей.

16.) П р і с.

Гаивка эта принадлежит къ числу двуключевыхъ хороводовъ: каждый ключъ представляетъ собою особую „свашку“.

1-й Ключъ:

Пріс, свашко, пріс!

Пріс, любко, пріс!

Твій сын лядащыця:

Пішов дрова рубаты,

На дровітню ляг си спаты.

2-й Ключъ:

Пріс свашко, пріс!

Пріс, любко, пріс!

Твоя дочка лядащыця:

Пішла хату замітаты,

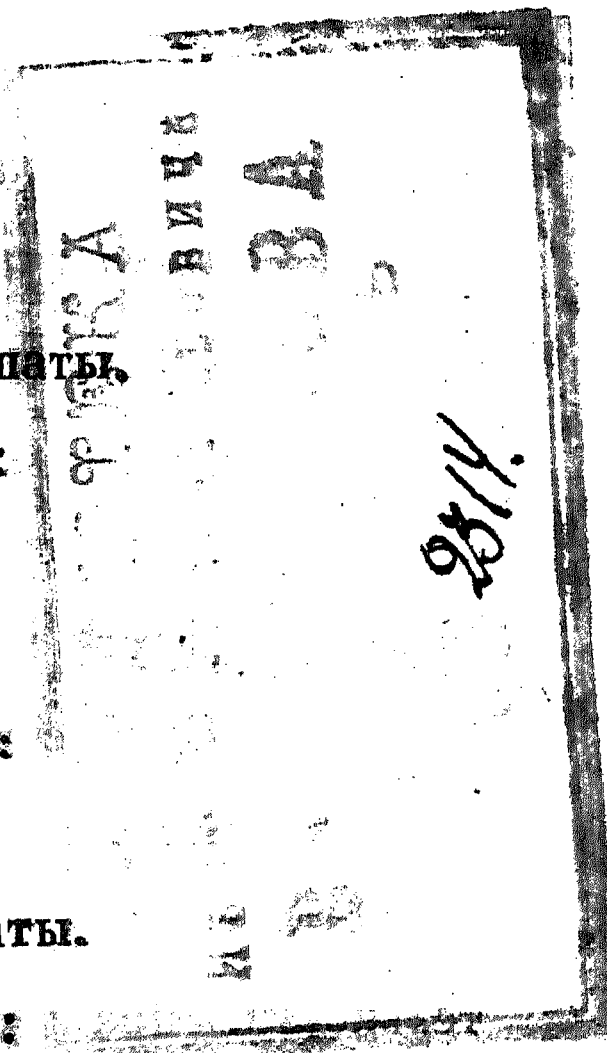
Піт порогом лягла спаты.

3-й Ключъ:

Пріс, свашко, пріс!

Пріс, любко, пріс!

Твій сын лядащыця:

Пішов коні напувати,
Над водою ляг си спаты:

2-й Ключъ:

Пріс, свашко, пріс!
Пріс, любко, пріс!
Твоя дочка лядашыця:
Пішла свыням істы даты,
Та ў барлузі лягла спаты.

1-й Ключъ:

Ідна качка пэченая,
Друга качка вареная...
Суко стара!
Іж ты сама!

2-й Ключъ:

Ідна жаба пэченая,
Друга жаба вареная...
Суко стара!
Іж ты сама!

Эта гаивка есть живой снимокъ съ дѣйстви-
тельности. Она воспроизводитъ пересуды „свашок“
и переходъ этихъ пересудъ въ крупную брань.

17.) Желман.

Преданье гласитъ, что во время уніи Жельманъ

жидъ взялъ въ арендное владѣніе церкви. Когда онъ на „вѣликден“ не хотѣлъ отворить ихъ, его стали упрашивать и будто бы съ этихъ поръ сохранилась пѣсня. Вирочемъ въ гаивкѣ „Жел’ман“ совсѣмъ не то содержаніе, какого бы слѣдовало ожидать, судя по преданію. Можетъ-быть, сохранилось только имя Жельмана, а остальное все измѣнено. Гаивка эта тоже двуключевая. Одинъ ключъ сидитъ, представляя собою семейство Жельмана. Дѣвушка, у которой закрываютъ лице платкомъ, представляетъ собою панну Жельманъ. Другой ключъ, подходя къ сидящимъ, кланяется и поетъ:

Помагай Біг, Жел’ман,
 Помагай Біг, його брат,
 Помагай Біг, Жел’манова
 И братова и вѣя Жел’мановы родына.

Сидящій кл.

Богдай здоров, Жел’ман,
 Богдай здоров, його брат,
 Бодай здоров Жел’манова
 И братова з ѣшысткоу родыноу.
 Зачым, зачым, Жел’ман?
 Зачым-зачым, його брат?

Зачым-зачым Жел'манова
И братова з ўшысткоў родыноў?

Ключь 2-й:

За панною Жел'ман,
За панною іого брат,
За панною Жел'мановы
И братовы з ўшысткоў родыноў.

Сидящій кл:

На якый грунт Жел'ман?
На якый грунт іого брат?
На якый грунт Жел'манова
И братова з ўшысткоў родыноў?

Ключь 2-й:

На Жыдівскый Жел'ман,
На Жыдівскый іого брат,
На Жыдівскый Жел'манова
И братова з ўшысткоў родыноў.

Сидящій кл:

А мы панны нэ маем
Иа такый грунт нэ даем,
Идіт собі гет?

Когда послѣдніе три стиха поюць 2-й ключь,
кланяясь отходить. Потомъ опять приближаясь къ

сидящимъ, кланяется и поетъ: „помогай Біг“ и т. д. только вмѣсто того, чтобъ пѣть „на жидівскій“ поетъ „на крїлівскій“, или „на попівскій“, или „на пан'скій“, или „на мужицкый“ и т. п. На какой „грунтъ“ желаютъ отдать „панну“, на тотъ и отдають съ слѣдующими словами:

А мы панну маем,
На такой грунт даем.

При этомъ 2-й ключъ снимаетъ платокъ съ покрытой имъ дѣвушки и ведетъ къ себѣ. Всѣ, участвовавшія во 2-мъ ключѣ, вѣнчаютъ ее. Нельзя не замѣтить, что гаивка эта подвергалась измѣненіямъ, отъ чего затемнена. Припѣвъ является тамъ, гдѣ не слѣдовало бы его ожидать.

Безъ сомнѣнія есть и другія гаивки. Мы не приводимъ здѣсь общеизвѣстныхъ, наковы: *люб, нелюб, горю-дуб* и др. У г. Терещенка упоминается гаивка о *царевнѣ ладѣ* (*) Она извѣстна близъ Межибожа. Къ сожалѣнію мы не слышали ея. Если еще найдутся гаивки не помѣщенные здѣсь у насъ, мы будемъ давать имъ мѣсто во 2-мъ отдѣлѣ „Быта“. Здѣсь мы не можемъ не упомянуть еще объ одной

*) Б. Р. Н. ч, IV. стр. 303.

великодней игрѣ, которую должно отнести тоже къ гаивкамъ. Если еще мало сошлось на цвинтарѣ дѣвушекъ, то играютъ во „утікача“. Одна дѣвушка садится на землю, а другая стоитъ возлѣ нея. Къ нимъ подходитъ третья и говоритъ:

Христосъ воскрес.

Стоящая отвѣчаетъ:

Воистину воскрес.

Первая:

На чѣмъ стоишъ?

Вторая:

На рынку.

Первая:

Що продаєшъ?

Вторая:

Дытынку.

Первая:

Що хочэшъ?

Вторая:

Сім кіп

И сніп,

Сім міхів

Горіхів;

Бочку воды

На три годы.

Первая:

А я тобі дам клубок валу,

Щоб тобі дорогу оснувало.

Съ этими словами обѣ разбѣгаются въ противоположныя стороны, а послѣ сбѣгаются къ сидящей. Которая прежде прійдетъ къ ней, та и продаетъ ее такимъ же порядкомъ, какъ и прежде.

С.)

Религіозная ступень развитія есть только попытка къ самопознанію и саморазвитію. Но въ ней находится въ зародышѣ вся будущая цивилизація народа. По мѣрѣ народнаго развитія, изъ религіозной сферы выдѣляются искусства и науки, которыя наконецъ получаютъ самостоятельность и исчерпываютъ все содержаніе прежней культуры, потому что составляютъ только высшее развитіе ея. Уже на первой ступени бытія въ каждомъ народѣ есть зародышъ наукъ и искусствъ. Этотъ зародышъ коренится уже въ аморфизмѣ, когда образуется языкъ, фундаментъ, проводникъ и двигатель наукъ и искусствъ. При помощи историко-сравнительной лингвистики можно

прослѣдить формацию понятій и возрѣній народа въ эту отдаленнѣйшую эпоху, къ которой ничто другое не можетъ привести.

Цивилизація все развиваетъ, все обособляетъ. При содѣйствіи ея, изъ аморфизма мало по малу выдѣляются различныя представленія. При ея содѣйствіи и изъ хоровода мало по малу выдѣляются особыя искусства, которыя, въ эпоху некромантизма и астрализма, являются служебными искусствами, еще неполучившими самостоятельности и служащими дополненіемъ къ хороводу, или просто группируются около него. Эти искусства суть драматическое, котораго хороводъ есть зародышъ, музыка, пѣніе, танцы и декламація.

Также точно должно смотрѣть и на гаивки. Несомнѣнно, что при дальнѣйшемъ развитіи и онѣ пустили бы изъ себя, какъ отпрыски, тѣже искусства. И это произошло бы тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе и естественнѣе подѣйствовала бы на развитіе ихъ цивилизація. Съ ними произошло бы тоже, что и съ Греческими хороводами, если бы явились, какъ это было у Грековъ, какіе нибудь преобразователи ихъ.

Въ началѣ нашей статьи, для объясненія общаго значенія слова гаивка, мы привели слова, съ которыми оно находится въ соотвѣтствіи. Теперь займемся болѣе подробнымъ объясненіемъ этого слова. Это дастъ намъ возможность познакомиться съ міровоззрѣніемъ той эпохи, когда получили начало гаивки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это убѣдитъ насъ и въ томъ, что гаивки, подобно другимъ хороводамъ, получили зародышъ въ некромантизмѣ и окончательно сформировались въ культъ, непосредственно слѣдовавшемъ за нимъ. Въ южнорусскомъ языкѣ есть слово *гай* (срав. польск. *gaj*, чешск. *háj*, нѣм. *Gain*), означающее рощу. Одной формациі съ этимъ словомъ слѣдующія слова: *гай-тысѣ*, *гай-тысѣ*, *гай-ты*, *гай-тыся*, *гай-вка*. У каждаго народа бываетъ эпоха боготворенія лѣсовъ и рощей: лѣсъ первый храмъ, первое святилище народа (*). Тоже было и у славянъ. Лѣтописцы часто упоминаютъ о языческихъ обрядахъ, совершаемыхъ славянами у рощеня и у воды. Мы смотримъ на гаивки, какъ на остатокъ этого культа. Это доказывается не только формациею слова „гаивка“, но и сравненіемъ гаивокъ съ подобными имъ обрядами и самымъ временемъ

*) Narbutt: Истор. лит. нар. Wilno. 1835. т. I. стр 215—16.

совершенія ихъ. Это вешній праздникъ, отправляемый тогда, когда только что начинаютъ развиваться роши. Но рядомъ съ этимъ культомъ въ гайвахъ есть слѣды и некромантического элемента. Присутствіе его доказывается тѣмъ, что гайвки или гайлки тождественны съ русалками, равно и тѣмъ, что гайвки отправляются только на „цвинтарь“.

Что сближеніе слова „гайвка“ съ словомъ „гай“ не есть наше произвольное толкованіе, на это мы имѣемъ доказательство въ томъ, что тотъ же обрядъ называется просто *gaikiem*. Мы знаемъ это, благодаря статьѣ г. Грайнерта „*Studia nad podaniami*“. Вотъ мѣсто изъ этой статьи, сюда относящееся. Онъ говоритъ, между прочимъ, что „w Kaliskiem“ двѣицы на свѣтлое воскресенье обходятъ дома „z choiną, pięknie się zaokrąglającą w góry, którą opasują różnokolorowemi wstęgami i blyskotkami, śpiewając przytém ładne piosnki (*). Zwyczaj ten *gaikiem* się zowie, i ma źródło w pogańskim święcie *Haitek*, obchodzoném na cześć wiosny przy uroczy-

*) Жаль, что г. Грайнертъ не представилъ ни одной изъ нихъ. Мы имѣли бы возможность сравнить ихъ съ нашими гайвками.

stych śpiewach. Haiki zaś, inaczej wiosnianki zwane, były to nadprzyrodzone śpiewaczki, kryjące się — w gajach i *tarzycach*, czyli tataraku i trzcinnie, skąd święto to w naszej mitologii inaczej *turzyca* się zowie. Święto to zmieniło się następnie na zielone świętki, pod czas których, jak i dawniej zapewne było, rzuca się tatarak na podłogi. W ogóle święta kogutka, żaitek i tarzyc na jedno prawie wychodzą“ (*). Мы привели эту длинную выписку для того, что она пригодится намъ ниже.

Хотя теперешній смыслъ словъ: „gai-тыс, гая-тыс (=терять время по пусту) и не указываютъ на соотвѣтствіе этихъ словъ со словами гай и гаивка, но это ничего не значить: теперешній смыслъ ихъ образовался подъ вліяніемъ христіанства, когда стали отрицать языческіе обряды. Прежде эти слова означали: „совершать требы въ рошѣ, молиться, вообще совершать религіозные обряды“. Такое значеніе этихъ словъ сохранилось въ словѣ *говѣть* (вздѣсь эвфоническое), которое тоже одной формации съ приведенными нами словами. Что въ словѣ *говѣть*

*) Bibl. Warsz. 1859 г. № 29 стр. 508 и слѣд.

дѣйствительно есть языческое представление, это доказывается тѣмъ, что есть слово *благоговѣть* оно чисто христіанской формаціи.

Мы не даромъ также рядомъ съ прежними словами поставили слово „*гоітыс*“ (=исцѣляться). Оно тоже одной формаціи съ словомъ *гай* (а ниспадо здѣсь до звука *о*), и заключаетъ въ себѣ отпечатокъ древнѣйшаго міровоззрѣнія. Извѣстно, что больныхъ для исцѣленія приносили въ священныя роши (гаи). Извѣстно также, что „въ древности ходили въ священныя роши снимать кору съ деревьевъ: березы, липы и дуба, и прикладывали ее къ ранамъ (*)“. И теперь еще знахари часто носятъ дѣтей въ лѣсъ (особенно березовый и дубовый) для исцѣленія ихъ отъ разныхъ болѣзней. И теперь еще извѣстны заговоры отъ болѣзней съ обращеніемъ къ лѣсу: „*лісун-лісунец*“.

Наши гаивки извѣстны въ разныхъ мѣстахъ, только подъ другими именами. Судя по названію и описанію *gaiк'a*, онѣ имѣютъ съ нимъ ближайшее сходство. Г. Грайнертъ отождествляетъ обрядъ *gaiк* съ обрядомъ *kojutka* (пѣтуха). По этому и гаивки

*) Терещ. ч. VI. 197.

наши имѣютъ съ нимъ аналогію. Обрядъ *kogutka* извѣстенъ у мазовчанъ и великополянъ, и совершается на свѣтлое воскресеніе. Хлопцы привязываютъ къ двумъ колесамъ пѣтуха (иногда деревянаго), ходятъ отъ одного дома къ другому и поютъ длинную пѣсню, сложенную на этотъ случай. Этотъ обрядъ можно сблизить съ украинскимъ: на Украинѣ носятъ деревянную ласточку, и поютъ пѣсни въ честь весны (*). Онъ имѣетъ также отношеніе къ литовскому *волошебнику*, извѣстному и въ смоленской губерніи (**). Наши гайвки имѣютъ также сходство съ однимъ литовскимъ обрядомъ. „Въ Литвѣ на 3-й день свѣтлаго воскресенія, собираются изъ деревни дѣвушки и мужчины въ одинъ домъ. Тамъ поютъ сначала разныя пѣсни, а потомъ пляшутъ танецъ *gaguzi*. Дѣвица особой красоты управляетъ этимъ танцемъ и называется *зозулею giegieley* (***)”. О сходствѣ нашихъ гайвокъ съ южно-русскими веснянками и танками, а также съ весенними русскими хороводами, особенно съ обрядами красной горки, нечего и говорить. Г. Грайнертъ видитъ въ „гаилкахъ“ сверхъ-

*) Терещ. ч. V. 9.

**) Тамъ-же ч. VI. 106—110.

***) Тамъ-же ч. V. 49.

естественныя женскія существа и отождествляетъ ихъ съ веснянками. Замѣчательно, что и у Литовцевъ *Gajla* имѣетъ такое же значеніе. У Аравитянъ *Gajlau* тождественъ съ нашимъ льшимъ. (*) Нельзя не признать, что гаивки принадлежатъ къ той же породѣ существъ, къ какой относятся *веснянки*, *роженицы*, *русалки*, *вилы*, *мавки* (потѣрчата), *гречухи* и греческія *телоніи*. Гаивскія пѣсни и хороводы суть остатки обрядовой стороны культа этихъ существъ.

*) Narbutt: т. I. 80.

ОТАБАДЪ II.

БЫТОВЫЯ ПЉСНИ.

А.) Рекрутскія.

1.

Задумав я жэнытыся,
Задумав жінку маты...
Ўзялы мэне у салдаты.
Ўзялы мэне и спіймалы,
Назад рукы изв'язалы 2.
Штырэ хлопці варты далы- 2.
Щей коньків загадалы 2.
„Ід'тэ, хлопці, поганяйтэ,
„На некруты поглядайтэ 2,
„Щоб коньків нэ стомыты,
„Щоб некрута нэ зрубыты“ 2.

Прыіхалы до губерні—
 Віч'чыняют склян'ні двері 2.
 Пытаец'ця губэрнатор:
 „Чи е ў тебе отец'-матер? 2.
 — Ой е ў мене отец'-маты,
 Ідна сэстра, шей два браты 2;
 Шей сам хлопэц' нэ жонатый 2.—
 „Ой колы ж ты нэ жонатый—
 „Ступай же ты у салдаты!“

—
 Ўзялы ж іого у світлон'ку,
 Обголылы голон'ку 2.
 Головон'ку обголылы,
 Кватырон'ку відділылы.
 „Лягай, некрут, высыпайся,
 На учен'не пробуцайся!“
 Ой ляг некрут тай байдуже!
 Прокінаец'ця, тай ден' дужэ:
 „Біднаж моя голон'ка,
 Шей чужая сторонон'ка!
 Ні батен'ка, ні матусі,
 Ні ріднен'коі сэструсі;
 На ма кому рано ўстаты—

На учен'не пробудыты!“

(Списана въ Старо-Шарапановкѣ Ольгопольскаго уѣзда 1857 года).

2.

Ой узялы козака у салдаты,
За ным плачэ та стара маты.
Нэ плач, маты, бо ты ўже старая,
Нэхай плачэ жона молодая.

Ой у жоны та дрібніі діты:
„Ой Божэ ж мій! Завъязаныі світэ?
Куда ідеш? Куда выж'цаеш?
Кому ж мэне молоду лышаеш?“

— Ой лышаю тя споду Богу,
А сам іду ў далеку дорогу.
Ой у жоны та дрібніі діты...
Ой Божэ ж мій! Завъязаныі світэ!—

(Записана тамъ же).

3.

Ой зашуміла густая ліщына, (*)
Тай щосé ся нэ розвыла.
Ой расплакалысé хлопці-молоц'ці,

*) Начиная съ этой пѣсни, всѣ послѣдующія рекрутскія пѣсни записаны М. Лещинскимъ въ Большой или Жабокрицкой Тернавкѣ Ольгопольскаго уѣзда 1855 г.

Та що ся нэ жэнылы

* * *

Ой нэ жэнылыс', ох нэ жэнылыс',

Жэныгыс' нэ будут;

Ой прыйшла карта від Государа,

Що ўже хлопців браты будут.

* * *

Ох як забралы хлопці молодіі,

Отец' й маты нэ знала.

Ох як повезлы у Каменец-Поділ'ський

Та як та чорная хмара.

* * *

Ой знаты-знаты тоту рыбку ў морі

Мэжэ тымы окунямы.

Ой знаты знаты хазяйського сына

Мэжэ тымы бурлакамы.

* * *

Ой сыдят бурлаки, тай кінец стола,

Та ў супілку грают,

Хазяйський сын стоіт тай коло порога,

Серця ж жалю умлівае.

* * *

Луч'ча було б, моя рідня маты,

Мэне у купілі зал'ляты,
 Ніж нас малы таких молоден'кых
 У нэволю забраты!

* * *

Луч'че было б, моя рідня мамы,
 Під серцем мя задушыты,
 Ніжліб мав я, такый молоден'кый,
 Так цяшко тужыты!“

4.

Ой помер отец', померла маты,—
 Зіставэмся сиротою.

Побыла сироту лыхая годына,
 Та шей дві, нэ ідна!

* * *

Ой служыв бы я та у свого пана,
 Та ў некруты воз'мут;
 Ой пішов бы я ў чужу стороночку—
 Коновоіом прыведут.

* * *

Ой як прывелы бідного сироту
 Та у Балту городец';
 Гей чешут-чешут та чорні кудрі
 Та на новы грэбінец'.

Гей чешут-чешут та чорні кудрі,
 Та волосок нэ паде:
 Гей тішылыся злі ворожен'кы,
 Що сырота ў некруты йде.

5.

Гей крыкнув окоман:
 „Давай соц'кый пошту,-
 Коні вороні,
 Та повэзем до прыіому
 Хлопці молодіі.“
 Чэкай-чэкай, соц'кый!
 Чэкай, нэхай станэм,
 Нэхай станэм-подывымся,
 Ўсіому мыру поклонимся.—
 Ой прывезлы хлопців
 Та ў Балту під браму:
 „Становіц'ця, паны-браты,
 Та ўсе ў ідну лаву!“
 Надлэтілы орлы
 З високоі горы...
 Заплакалы хлопці-молоц'ці,
 Сэдючы ў нэволі.
 Нэтак заплакалы,
 Як заголосылы:

У̇ кого ж мы ся, рідні-брат'тя,
 Ціого дослужылы,
 Чи у̇ Господа-Бога,
 Чи у̇ свої громады,
 Що нас таких молоден'ких
 У̇ рекруты забрали?
 Як у̇ Господа-Бога—
 Допоможы Божэ!
 Як у̇ нашої лыхоі громады—
 Скарай іі, Божэ!
 Скарай же і, Божэ,
 На душі на тілі,
 Що мы сыдымо у̇ нэволі
 Хлопці молоді!“

6.

Ох вы, галочки-золотопірочки? (*)

Вы піднімітэся у̇ гору.

Ох вы, рекруты-молоді хлопці,

А вэрнітэся до дому!

* * *

Ой раді ж бы мы та піднятыся,

*) См. воріантъ этой пѣсни въ сборникѣ изд. въ С.-Пб. 1836 г. (Лукашевичомъ) стр. 86.

Та туман налягає...

Ой раді ж бы мы та вэрнутыся,—

Государ нэ пускає.

* * *

Нэ так Государ, нэ так Государ,

Як Государская маты.

Ой хочэ намы та рекрутамы

Ўсю Пол'щу звуюваты.

7.

Прыйшов соц'кый, прыйшов віт,

Сталы ряду рядоват',

Гей сталы ряду рядоват'.

Сталы ряду рядоват'—

Кого бы тут ў військо ўзят',

Гей кого бы тут ў військо ўзят'?

„Воз' мемо мы богача,—

Богач у нас выкупыц'ця,

Гей богач у нас выкупыц'ця.

„Воз' мемо мы бідного,—

Бідный у нас выпросыц'ця,

Гей бідный у нас выпросыц'ця.

„Воз' мемо мы того молоц'ця,

Що ні нен'кы ні оц'ця,

Гей що ні нен'кы, ні оц'ця.

Тіл'ко ідна сэстра є,

Тай та за ным жалує,

Гей тай та за ным жалує“.

Сэстра тее очула,

Тай до брата махнула,

Гей тай до брата махнула.

—Тікай ты, мій рідній брат,

Хотят тебе ў військо ўзят’,

Гей хотят тебе ў військо ўзят’—

А брат ўтікав по-під пліт,

Та сховався ў жытній сніп,

Гей та сховався ў жытній сніп,

Ніжки-ручки зв’язали,

До прыіому привезлы,

Гей до прыіому привезлы.

Повезлы го у Гайсын:

„Це п’яныця сукын сын!“

Гей це п’яныця сукын сын.

Повезлы го ў Кам’янец’

„Славный хлопэц’ молодец’!“

Гей славный хлопэц’ молодец’.

Б.) Пѣсни чумацкія.

8.

Ой чумачэ, чумачэ!
 Жыт'тя твое собачэ.
 Чом нэ сіеш, нэ ореш?
 Чом нэ рано с Крыму йдеш?
 Чом нэ рано с Крыму йдеш,—
 Усіх чумаків нэ вэдеш?
 —Ой я сію и ору—
 Ой я рано с Крыму йду
 Усіх чумаків я вэду,
 Тіл'ко нэ ма ідного,
 Брата мого рідного.
 Він зостався у Крыму—
 Брати солі на вагу.
 Зробылася прычына,—
 Сіл' головку прыбыла...
 Шукав іого нэ найшов,
 Забрав волю, тай пішов.—
 „Атаманэ, бат'ку, наш!
 Порад' же ты добрэ нас:
 Що мы маем робыты—
 Нічим коні кормыты?»

—Косіт, хлопці, лободу,
 Прывыкайце на біду.
 Косіт, хлопці, отаву,
 Пасіт коні на славу!
 Косіт, хлопці, мітлыцю,
 Накрываўце пшэныцю.
 Косіт, хлопці, осоку,
 Пасіт коні до смаку.
 Косіт, хлопці, и овес,
 Поїдэмо до Адес;
 А ў Адесах рідна мат'
 Нэ даст' же нам загыбат'!—

9.

Ой пішов чумак ў далеку дарогу,
 Помолывшэся Богу:
 Ой щасты, Божэ, іому чумакові,
 Та ў далекі дорозі!
 Ой пішов чумак помэжэ возамы,
 Тай на віз похылывся;
 Ой прысоталаё до серден'ка туга,
 Тай нэ можэ вітчыцьця.
 Ой вы хлопці, молоді молоц'ці!
 Ой вы до того й гожі:

Ой а зробіте йому чумакові,
 Та домовину з рогожі.
 Ой вы хлопці, славні молоц'ці,
 А зійдітеся зранку;
 Ой а зробіте сему чумакові,
 Хоц' прэтыкою ямку.

10.

Ой як ожэнывся,
 То уже процав;
 Дужэ помылывся,
 Сам собі сказав.
 Луч'чэ б нэ жэныц'ця
 Вовік ні на ком,
 Ў Крым по сіл' ходыты,
 Звац'ця чумаком.
 А тэпер ўсі знають,
 Що я нэ чумак,
 З вулыці зганяют,
 Що я сем бурлак.
 Луч'чэ бы пропало
 Збіжэн'ко мое,
 Та щобы нэ знало
 Дышэн'ко мэне!

11.

Ой я чумак нэсчасливый,
 Ж журбы, з лыха ледвэ жывый.
 Ой іхав я до Адесы,
 Та мав грошэй два чэресы;
 А з Адесы повэртаю,
 Ні копійчкы нэ маю.

12.

Пішов Мусій да ў Крым посіл'
 Сірымы воламы;
 Оглянец'ця назад себе,
 Ўмыец'ця сліозамы.
 „Допоможы мэні, Божэ,
 Тут солі набраты;
 Ой щоб мою любую дівчыну,
 Та ў бэндах застаты!—
 Надобрыден', дівчынон'ко,
 Та у свої хаті!—
 — Ой нэ сідай коло мене
 Рукав поваляты.
 Ой як будеш штырэ волы маты,
 Щей чэрвону шапку,
 Тоді ж бо ты мого оц'ця-матку

Назвеш пані-маткой!—

Ой йде Мусій та дорогою,

Аж у саду вышня....

Пытаец'ця та дівчинон'кы—

Чого така пышна?

—Ой козачэ-козачен'ку!

Того ж бо я пышна—

Ой бо ў моі та матінкы

Тры нызкы намыста.—

В.) П'єсня Сапожниковъ.

Коло броду, броду

Брало дівча воду...

Вандрувало два шевчыкы

Хороші на ўроду.

„Нарай, нарай, дівчинон'ко,

Певную господу!“

— Ой ў строзі на розі

Певная господа:

Майстэр старый,

Хлопэц' малый,

Майстрова молода.—

Дав ім майстэр

Чоботы краяты,

А сам пішов на вес' тыждэн'
 До коршмы гуляты...
 Крают шэвці, крают,
 Та ўже й докравают,
 На молоду майстрову
 З ока поглядают.

Ой ты, майстрово,
 Маеш грошэй много —
 Вандруй, вандруй з намы,
 Покыдай старога!
 Ніхто ж того тай нэ знае,
 Тіл'ко майстрів хлопэц',
 Шўкаючэ, пытаючэ
 Пана майстра свого.

„Ой ты, майстрэ, п'єш мед та горівку,
 А ўже твоя майстрова
 Давно пішла на вандрівку!“
 — Сідлай, хлопчэ, коня,
 Сідлай вороного,
 А для менэ шэй другога,
 Та поідем доганяты
 Шэвця молодого.
 Догоньлы майстрову

По пэред Дунаю;
 А вона му віповіла:
 „Я тэбе нэ знаю!“
 А ўзяв майстэр майстрову
 По-під білі бокы,
 Кынув майстэр майстрову
 На Дунай глибокій.
 Плыне, плыне майстрова,
 Як на воді лутка....
 „Воз’мы, воз’мы мя, старен’кій,—
 Я твоя голубка!“
 Плыне, плыне майстрова
 Віт клаткы до клаткы,
 Щобы знала й пам’ятала
 Яки шевски здрадкы.

(Записана въ Каменцѣ 1851 года).

К о л о м е й к и.

I.

Гадаюся жэнытон’кы, та нэ ма з-зачого: (*)
 Нэ стае ми десіт’ грошэй до півзолотого!

*) Въ сборникѣ Вацлава зъ Олеска и у г. Лукашевича есть вариантъ этой коломейки. Во 2-мъ № О. З. за 1853 г. она помѣщена въ числѣ любимыхъ пѣсень Гоголя (см. въ смѣси стр. 113).

II.

Дывуец'ця дысятнык,
 Шо мужык бідуе:
 Дэре пан, дэре жыд,
 Шей піп нэ даруе!

(Въ м. Дунаевцахъ 1849).

III

И ты козак, и я козак,
 Обыдва мы козакы;
 Ты без грошэй, а я босый,—
 Обыдва мы дуракы.

IV.

Пішлы наши козачэн'кы,
 Тіл'ко шапкы вытко;
 Зісталася сама шляхта,
 Дывытыся гытко!
 Пішлы наши козачен'кы,
 Тай сталы обозом;
 Молодыці пішлы пішкы,
 А дівчата возом.

(С. Могилёвка 1847).

V.

Як на ставу, так на ріц'ці, (*)
 Дайте покій тій Марійці!
 Выдно-выдно що Марія,
 Бо с'міец'ця каналія.
 Як на ставу, так на ріц'ці,
 Подобався козак дівці,
 А дівчына козакові,
 Бо у дівчыны чорні бровы.
 Лісом, лісом-дубыною,
 Ячмін' жала сокырою,
 Коцюбою громадыла,
 Козачен'ка прынадыла.
 Ище буду громадыты,
 Щоб другого прынадыты.

(Въ Каменцѣ 1858 г.)

VI.

Качкы гречку шшолопалы...
 Що ж я бідный буду мав?

*) Въ сборникѣ Вацлава зъ Олеска есть вариантъ этой пѣсни. Онъ перепечатанъ въ сборникѣ Лукашевича (с.-пб. 1836) и въ сказаніяхъ Р. народа Сахарова (изд 3). т. I. к. 3 стр. 267.

А ўсім хлопцям по дівчыні,
 Мэні дит'ко бабу ўпхав.
 Я на бабі нэ утрачу:
 Продам бабу, куплю клячу;
 Кляча здохнэ-шкуру злучу,
 А за шкуру панну куплю.

(Тамъ же 1850 г).

VII.

Катэрына—матэырна,
 А я бат'ків сын;
 Катэрыну маты была,
 А я выпросыв.

VIII.

Комарі гудут—
 Снаты нэ дают...
 Сховаю я голон'ку
 Ў ячмінную половон'ку,
 Най собі тнут!

(Въ с. Чеботаркѣ Ольгопол. уѣзда).

IX.

Ой ты знав, на-що-ё брав:
 Я нэ твоя рівня;
 Бо ты твач-нытколут,

А я боднарівна.

Ой ты знав на-що́с брав

Таку нэ вэличку:

Мэне мама гудувала,

Як пэрэпылычку!

Ой ты знав на-що́с брав:

Я нэ ўмію жаты,—

Будэ твоя пшэнычэн'ка

Ў полю зімуваты.

Ой ты знав, на-що́с брав

Міщаночку з міста:

Я нэ іла и нэ буду

Ячмінного тіста!

(Въ Каменцѣ 1851 г.).

Х.

По ярмарку ходыла (*)

Біду собі купыла,

Та за свої гроши.

Кажут біду любыты—

Біда нэ хороший!

И старый, и слицый,

*) Въ «Б. р. народа» есть нѣсколько стиховъ изъ этой коломейки. см. ч. II. стр. 557.

И ныс'кого зросту...
 Прыходыц'ця утопытыс'
 З високого мосту!

XI.

Ой вы людэ вы сусіды!
 Нэ бачылы моі жінкы?
 Моя жінка знакомыта:
 Задріпана на ні свыта;
 И на ногу налягае,
 И на плечах горбык мае.
 По-під носык шмаркатен'ка,
 И на очи каправен'ка.

(Объ эти коломейки записаны въ Ка-
 менцѣ 1858 г).

XII.

Похылывся дуб на дуба,
 Явір на калыну.
 Похвалывся іден дурэн',
 Що я за ным гыну.
 А я явір перэскочу,
 Що й нэ дотулюся;
 А я дурня занэхаю,
 Щой нэ подывлюся.

Я ячменю нэ сіяла,—

Нэ буду й косыты;

А я дурня нэ гнівила,—

Нэ буду й просыты.

Сам ся ячмін' посіав.

Сам ся ячмін' й скосят;

Сам ся дурэн' нагнівав,

Сам ся й пэрэпросыт!

(Въ Каменцѣ 1855 г).

XIII.

А я Ган'сі волы нас,

Мені Ган'ся штан'ці дасть;

А я штан'ців нэ хочу,

Коло Ган'сі торкочу.

(Въ Березкахъ-Бершадскихъ Ольгопольскаго уѣзда 1857 г).

XIV.

Умер бат'ко—байдужэ!

Умерла маты—байдужэ!

Умер мылый чорнобрывый—

Жал' мэнi го дужэ!

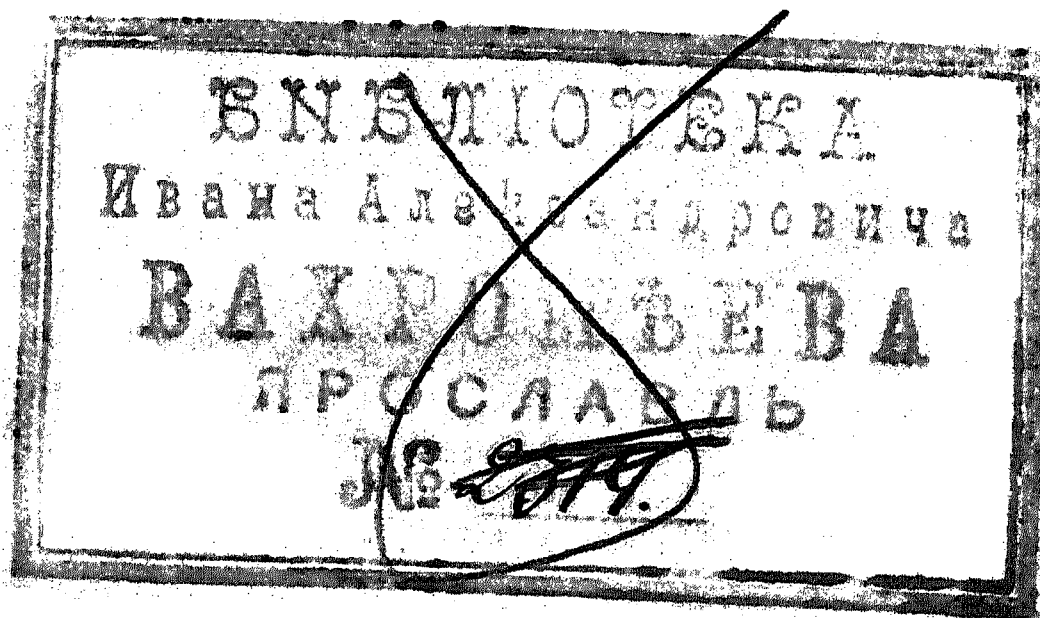
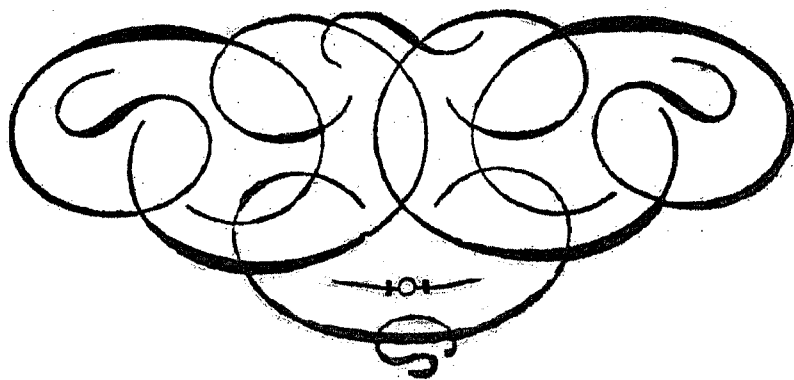
И за бат'ка—оч'чэнаш!

И за матку—оч'чэнаш!

За мылого душу

Тан'цюваты мушу.

(Въ м. Китай-городѣ 1847 г).

98

17/08
123

17/08
123

